

«Приглашает наедине?»

От одного только этого предлога у Су Бэйляня заломило виски.

Причина подобной аудиенции лежала на поверхности: старый развратник попросту искал повод отослать его подальше, дабы без помех посягнуть на маленького Наследного принца.

Но и отказаться означало совершить прямой умысел ослушания государственной воли. Открыто дать пощечину монарху — даже главный злодей новеллы не мог позволить себе столь безрассудного хамства.

Поразмыслив пару мгновений, Су Бэйлянь обратился к управляющему Чжану:

— Ночное празднество только началось, а посланники Цися еще даже не прибыли. Августейший брат нездоров и не может лично распоряжаться пиром. Если еще и я покину залу, это будет выглядеть крайне неподобающе.

Управляющий Чжан окинул вана Ляна странным взглядом.

До него и прежде доходили слухи, будто ван Лян свиреп, своенравен и ни во что не ставит закон. Но увидеть подобное собственными глазами оказалось зрелищем особого рода: этот человек дерзнул пренебречь личным повелением Его Величества!

Разглядывая чересчур утонченные, утонченно-женственные черты Су Бэйляня, евнух испытал лишь глубокое презрение.

«Всего лишь полукровка, порожденный ничтожной рабыней из Южного Колдовства, а спеси — словно у полубога! Даже если в будущем он поможет принцу взойти на престол, выше вана-регента ему не подняться. Да и воссядет ли Су Цянь на трон — еще бабушка надвое сказала. А этот слизняк уже возомнил себя пупом земли!»

Чжан много лет прислуживал императору, пользовался огромным влиянием и держался куда важнее прочей дворцовой челяди. Заметив, что ван Лян пытается уклониться от аудиенции, он тут же сменил тон на язвительно-слащавый.

Он долго ходил вокруг да около, но суть сводилась к одному: если князь Лян не явится на зов, последствия окажутся плачевными.

Перечить правителю напрямую — верная гибель, и Бэйляню оставалось лишь тянуть время, разыгрывая словесные реверансы.

Однако Су Цянь неожиданно вмешался в разговор:

— Раз родитель-император призывает вас по делу, идите, царственный дядя. Со мной ничего не случится.

Он подался ближе к Су Бэйляню и тихонько прошептал ему на ухо:

— Не волнуйтесь, дядя. Я уберегу для вас ту тушеную свиную рульку. Никому не позволю к ней прикоснуться.

Глядя на светлую, озорную улыбку мальчика, Су Бэйлянь ощутил смесь сочувствия и бессилия.

«Ему ведь едва исполнилось четырнадцать. В этом возрасте дети должны жить безмятежно, а его из-за причуд судьбы и закрученной родословной швырнуло в пучину кровавых интриг, где собственная жизнь ему не принадлежит».

Какая ирония рока.

Но, к счастью, на сей раз рядом с ним оказался не настоящий жестокий ван Лян, а он — его защитник.

«Не бойся, малец. На этот раз твой названный отец тебя в обиду не даст!»

Уходя, Су Бэйлянь не удержался от строгого указания:

— Будь осторожен. Если почувствуешь угрозу — кричи. Если окружающие сделают вид, будто не слышат, зови меня. Как бы далеко я ни был, я обязательно услышу. Но к оружию без крайней нужды не прибегай.

Силуэт Су Бэйляня, следующего за спиной Чжана, быстро растворился в полумраке залов, но в ушах Наследного принца все еще эхом отзывались слова:

«Как бы далеко я ни был, я обязательно услышу...»

Су Цянь на мгновение замер.

«Услышит, где бы ни находился? Хм... Нелепость».

Пока он предавался этим мыслям, к столу неожиданно протянулась массивная клешня и сцапала лежавшую на подносе рульку.

Кожа на этой руке была шершавой и потрескавшейся, будто усохшая древесная кора, ногти выкрашены в угольно-черный цвет, а на запястье звякнули тяжелые медные браслеты. Незнакомец сгреб кость и вознамерился утянуть блюдо целиком.

Су Цянь слегка сдвинул брови. Палочки в его пальцах стремительно крутанулись, намертво прижав верхнюю часть рульки. Нажав на них едва ощутимым движением кисти, принц пробил подрумяненную корочку, вонзив бамбук глубоко в сочное мясо, и силой принудил вора вернуть добычу на блюдо.

Проследив за обнаглевшей рукой снизу вверх, Су Цянь встретился взглядом с огненно-рыжим исполином.

Нахальные глаза незнакомца лучились бесстыдной, глумливой улыбкой:

— Семь лет не виделись! А ты вымахал, да и рожей стал вылитая госпожа И. Признавайся, скучал по дяде, пока жировал в своем Дунсюане?

Су Цянь не ответил.

Рыжеволосый рассмеялся еще развязнее:

— Так я и знал! Маленький неблагодарный щенок даже не вспомнил обо мне! А вот дядя Лар изнывал от тоски. Едва представился случай, я тут же мчался в Дунсюань, чтобы повидать тебя.

С появлением Пэйлаэра шумный пир мгновенно угас. Вельможи и министры, только что наперебой разглагольствовавшие о делах государства, втянули головы в плечи, затаив дыхание, словно тихие мыши.

Лишь Су Цянь сохранял невозмутимость.

Он подпер щеку рукой, вальяжно откинувшись над столом, и слегка улыбнулся. В его глазах расцвела пленительная, заманчивая весна. Ленивая грация принца напоминала потягивающегося кота — чарующее зрелище, если бы не вторая рука, крепко прижимающая палочками тушеную рульку.

— И впрямь прошло немало времени, — певуче проговорил Су Цянь. — Впечатление такое, будто целая жизнь минула. Я даже слегка взволнован.

Такой прием смутил Пэйлаэра. Восторг в его душе сменился легким замешательством.

Упомянутая им госпожа И — Цзинь Ичжи — была родной матерью Су Цяня. Когда ее в свое время отослали в Цися, она, хоть и именовалась правительницей, на деле мало чем отличалась от простой лагерной девки. Вся разница сводилась лишь к тому, что услаждала она исключительно знатных вельмож при дворе. Когда правителю надоедала новая игрушка, он сбывал ее своим подручным.

Пэйлаэр от природы был равнодушен к женщинам, но мальчишка, которого Цзинь Ичжи повсюду таскала за собой, с самого начала разжигал в нем нездоровый интерес.

В те годы Су Цянь был совсем мал, а мать защищала его зубами и когтями. Стоило Пэйлаэру лишь слегка задеть мальчишку, как тот поднимал визг, и Цзинь Ичжи со слезами на глазах бросалась в бой на смерть. Потому-то ему так и не удалось сорвать этот плод.

Он рассчитывал, что в Дунсюане без труда схавает беспомощного зверька, но этот мальчишка, похоже, ничуть его не боялся.

Неужели семи лет разлуки достаточно, чтобы так перекроить человека?

Пэйлаэр спрятал тень сомнения за гоготом и уставился на блюдо:

— Ого, а маленький Цянь у нас, оказывается, настоящий жадина, когда дело касается еды! Если тебе так мила свинина, давай завтра дядя устроит для тебя целый пир? Зажарим, потушим, запечем — из любых земель и на любой вкус! Будем пировать только вдвоем, пока твой ротик не начнет пищать, что больше не вмещает и кусочка!

Голос у Пэйлаэра от природы был оглушительным, так что его гнусные намеки разнеслись далеко за пределы ближайших столов. Вложенный в слова подтекст был настолько грязен, что даже те из придворных, кто пытался прикинуться глухими, были вынуждены всё понять.

Извергать столь смердящую непотребщину на глазах у всех, да еще и в адрес Наследного принца — этот посланник Цися вообще не считал Дунсюань за государство!

Несколько честных и непреклонных сановников не выдержали. Они вознамерились подняться, чтобы пресечь бесчинство, но соседи тут же схватили их за рукава и зашептали, бешено вращая глазами:

— Сумасшедший! Ты что творишь?! Сам ван Лян только что сбежал, даже он не дерзнул вступить в схватку, а ты куда лезешь?! Жизнь не дорога, так о семье подумай!

— Но... неужели мы позволим порочить Наследного принца на наших глазах?!

— Не смотри! Опусть голову и зажмурься!

...

Су Цянь смотрел на Пэйлаэра с едва заметной изогнутой ухмылкой:

— Похоже, вы ошиблись. Дело не в том, что я так люблю это блюдо. Мой царственный дядя обожает рульку, и я пообещал сохранить её для него. Так что никто не имеет права к ней прикасаться. К тому же... ваше стремление набиться мне в родственники выглядит довольно нелепо. У меня есть только один дядя — ван Лян. А что касается вас...

Принц слегка потеребил бамбуковой палочкой сочную шкурку на мясе и тихо усмехнулся:

— Вы годитесь в дяди разве что этой свинье.

Затаив дыхание, присутствующие оцепенели от ужаса. С его бычьим сложением Пэйлаэру стоило лишь размахнуться, чтобы размозжить голову принца в кровавую кашу!

И хотя все понимали, в какой смертельной опасности оказался Су Цянь, никто не шелохнулся. Даже тот сановник, что минуту назад пылал праведным гневом, послушно уткнулся носом в столешницу и зажмурился.

Такова человеческая природа. Когда собственных сил не хватает для противостояния угрозе, любой в первую очередь думает о спасении собственной шкуры.

Пэйлаэр уставился на Су Цяня и неожиданно расхохотался:

— А Су Бэйлян времени даром не терял, хорошо тебя натаскал за эти годы! Ещё крылышки не отросли, а уже пытаешься кусаться. Интересно только, сколько сможет вместить твой сладкий ротик сегодня вечером?

С этими словами он протянул лапищу, намереваясь ухватить Су Цяня за губы.

Но прежде чем пачканные пальцы коснулись кожи принца, чья-то рука сзади мертвой хваткой впиалась в его запястье.

Пальцы были тонкими и белыми, но сила в них таилась чудовищная. Из широкого рукава цвета ночи выставлялась лишь изящная кисть — резкий, ослепительный контраст черного и белого.

Увидев человека, возникшего за спиной рыжего варвара, Су Цянь ослабил хватку на спрятанной в рукаве сабле Белой Ночи.

В его глазах мелькнуло искреннее изумление:

— Дядя?

Лицо Су Бэйляня напоминало заледеневший гранит, источающий ощутимый физически холод. Он сдвинул брови и посмотрел на мальчика:

— Разве я не говорил тебе: если что-то случится — зови своего дядю?

<http://bllate.org/book/20606/2131646>